

Ямная миграция и теоретические искания

[Лев Клейн](#)

С разрешения редакции перепечатываем статью проф. Л.С.Клейна «Ямная миграция и теоретические искания», опубликованную в журнале «STRATUM PLUS».

Рожденные практикой археологии споры (в частности, о ямной миграции на запад) привели к попыткам теоретически обосновать то или иное решение спора. Развивая идею Ч. П. Сноу о расколе современного образованного общества на две культуры — естественнонаучную и гуманитарную, К. Кристиансен провозгласил Третью Естественнонаучную Революцию в археологии — очередное внедрение в эту область знаний естественнонаучных методов, которые, по его мнению, меняют всю археологию и ее гуманитарные основы. Ему возразил Т. Ф. Сёренсен, который считает, что без гуманитарной основы археология теряет свою специфику. Ни та, ни другая точки зрения несостоятельны, по мнению автора данной работы. Он относится скептически к самой идее дихотомии в классификации наук, не считает археологию гуманитарной дисциплиной и отвергает превосходство гуманитарных или естественнонаучных методов в ней. Всё зависит от конкретной ситуации.

От практики к теории

В контрасте с очевидным упадком теоретических исследований по археологии в нашей стране приходится отметить, что на Западе такого упадка не наблюдается. В Скандинавии (в основном в журнале NAR — «Norwegian Archaeological Review») разгорелась теоретическая дискуссия, вызванная сугубо «практическими» разногласиями в трактовке фактов археологии. Речь идет о происхождении европейских культур раннего бронзового века — шнуровой керамики и колоколовидных кубков — появились ли они в результате массовой миграции ямной культуры или нет. Версия о происхождении их из ямной культуры, степная, обрела чрезвычайный вес и стала вытеснять другие гипотезы (анатолийскую, центральноевропейскую и прочие) после того, как генетики опубликовали две сенсационные статьи об анализах ДНК (Haak et al. 2015; Allentoft et al. 2015), которые показали сильную близость геномов всех означенных культур и чуждость им предшествующего генофонда Европы. Генетики истолковали это как однозначное свидетельство миграции ямной культуры на запад, практически на всю Европу.

Некоторые археологи (это те, кто и раньше придерживался степной гипотезы) признали правоту генетиков, а другие наотрез отказались ее признавать, заявляя, что факты археологии, да и самой генетики, этому противоречат (Ivanova 2013; Клейн 2015; 2016; 2017; Klejn 2017a; 2017b; Klejn et al. 2017; Kaiser 2016; Иванова и др. 2017). Против концепции, проводимой в указанных статьях генетиков (и примкнувших к ним археологов), эти археологи выдвинули в основном факты и некоторые методологические принципы (на которых строится их картина этногенеза).

Поскольку с обеих сторон были выдвинуты серьезные факты и не оказалось решающих аргументов, некоторые спорящие обратились к теоретическим основаниям.

Провозглашение Третьей Революции

Теоретически мыслящих археологов традиционного толка раззадорила большая статья известного датского археолога, давно работающего в Швеции (Гётеборгский университет), Кристиана Кристиансена в шведском журнале «Current Swedish Archaeology», озаглавленная «К новой парадигме? Третья Естественнонаучная Революция и ее возможные последствия в археологии» (Kristiansen 2013). В этой статье К. Кристиансен, исходя из предложенного в 1959 году Ч. П. Сноу резкого деления всей современной культуры образованного общества на две культуры — естественнонаучную и гуманитарную, нашел их столкновение в археологии и не только в ней. Он рассмотрел историю археологии в этом ключе и увидел, что само ее

формирование проходило под воздействием двух естественных наук — биологии и геологии, около десятилетия (1850—1860 гг.), что он называет Первой естественнонаучной революцией в археологии. Затем около 1900 года воздействие геологии и биологии сменилось критическим отношением к естественнонаучному подходу (к мыслям об эволюции) и возобладал культурно-исторический подход, с опорой на чисто гуманитарные аспекты археологии. В середине XX века изобретение радиохиимики радиоуглеродного датирования повернуло археологов вновь к естественнонаучным опорам, что внесло существенные коррективы в хронологию неолита и бронзового века (К. Кристиансен называет это Второй естественнонаучной революцией в археологии) и вызвало к жизни в 1960-е годы Новую (процессуальную) Археологию. Господство ее продолжалось недолго. В 1980-е годы увлечение ею сменилось постпроцессуальной археологией, повернувшей от увлечения естественными науками и принятой в них методологией с количественными методами и т. п., к историческому подходу и гуманитарной методологии.

Кристиансен считает, что современная ситуация XXI века сравнима с предыдущими, а расшифровка геномов и прочтение ДНК сравнимо с открытием возможностей радиоуглерода. Связанные с этим нынешние исследования преемственности людей (также и животных) производят такие радикальные изменения традиционных представлений в археологии (о миграциях, о человеческой мобильности), которые можно назвать Третьей Естественнонаучной Революцией в археологии. В ней формируется новая парадигма, в которой преобладает естественнонаучный подход, с упором на работу лабораторий и прецизионный инструментарий, на большие массивы данных (Big Data), а традиционные выводы и теории пересматриваются.

В защиту гуманитарности археологии

Разумеется, нашелся гласный защитник традиционной точки зрения на соотношение наук — датский профессор Института Саксона в Копенгагенском университете Тим Флор Сёренсен, известный своими исследованиями на стыке археологии и архитектуры. Он тоже вспомнил идею Сноу о двух культурах — научно-технической и гуманитарной, — о делении, расколовшем современную культуру. Сёренсен также применил эти ярлычки к спорящим сторонам — генетике и археологии. Подтверждая столкновение двух культур, к спору практиков о явной миграции он присовокупил разногласия между генетиками и традиционными археологами в трактовке происхождения бронз Скандинавии — местные или привозные. В своей статье, помещенной в NAR и озаглавленной «Две культуры и мир в стороне: археология и точная наука на новом перекрёстке» (Sørensen 2017a), он не отвергает коренные различия между науками: с одной стороны, точные или естественные, как физика, социология, генетика, с другой — гуманитарные, как история, филология и искусствоведение, которые в Англии и США и науками-то (science) не зовут. К последним он отнес и археологию. Но их взаимодействие он рассматривает не столь радужно, как Кристиансен, поскольку не восхищается увлечением естественнонаучными методами и принципами.

По Сёренсену, у *science* и *humanities* диаметрально противоположная методология; теория и интерпретация у них имеют разную структуру; 'вопрос', 'наблюдение', 'объект' и 'факт' в обеих имеются, но это не парные синонимы. Именно поэтому мы применяем в этих занятиях не одни и те же методы и теории. Археология может пользоваться результатами естественных наук, но в ней много материалов, не объяснимых теми методами — для их познания необходимы совсем другие, гуманитарные методы и теории, коренящиеся в гуманитарном знании. Он не разделяет ликования Кристиансена: «Этот научный оптимизм вызывает неверие в методы и интерпретации, основанные на гуманитарном знании. Так что археологическое «знание» все более воспринимается как зависящее от наблюдений, переведенных в количественные или «доказанные» естественнонаучными методами, тогда как нетестируемые так интерпретации и выводы окутаны подозрением или рассматриваются как гипотетические» (Sørensen 2017a: 1).

На деле же понимание материала в гуманитарных дисциплинах зависит, как пишет Сёренсен, от субъективности и эмпатии (он просит отличать ее от симпатии), а не просто от фактов. Они в этих дисциплинах погружены в системы верований, мировоззрение, социальные отношения, а их понимание всегда субъективно. «Если целью археологии является достичь некой формы понимания народа и общества в прошлом и современности, то я нахожу трудным вообразить, как это возможно без какой-то степени эмпатии и субъективности» (Sørensen 2017a: 8). Он заканчивает свое изложение цитатой из записных книжек философа Кьеркегора: «Абсолютно нет добра от внедрения в естественные науки. Здесь мы беззащитны, не контролируя ничего. Исследователь начинает погружаться в детали: то как попасть в Австралию, то на луну, то в подземную пещеру, то по самое не балуйся сатанински всмотреться в глиста, то использовать телескоп, то микроскоп, — кто же, чёрт побери, может это вытерпеть?» (Kjerkegaard 2011 {1846}: 72—73).

В Интернете опубликовано и одновременное выступление Сёренсена на сентябрьском семинаре 2017 года в Копенгагенском университете, озаглавленное «Кто же, чёрт побери, может это вытерпеть? Археология, точная наука и фетиш факта» (Sørensen 2017b). Он признает, что *science* давно применяется в археологии — как химические, геологические, минералогические, остеопалеонтологические и споропыльцевые анализы, как отдельные методы на службе археологии, может быть, как часть дисциплины, но часть подчиненная, не определяющая ее суть. А суть состоит в познании человека, его социокультурной и духовной жизни, истории общества. Когда часть современных археологов принимает первенство методов *science* в археологии, это ведет к фетишизму 'данных' и 'фактов', к засилью количественных методов и забвению плюрализма и

гетерогенности дисциплины, утрате ее своеобразия и природы.

Коренным понятием археологии Сёренсен считает 'следы'. А у нынешних археологов-сайентификаторов, сетует он, 'следы' стали синонимом понятий 'свидетельство', 'ключ', и во вторую половину XX века понятие потеряло свою силу как двигатель теоретизации археологии. Это уже близко к тому, как следы толкуются в семиотике, в юридической науке, у Фрейда и в психоанализе, а также в детективах. «Я утверждаю, — говорит Сёренсен, — что этот способ понимания следов как представляющих нечто иное, чем сам след, — как знак событий прошлого или символ в каком-то смысле, — ведет к восприятию следов как значения, скрывающегося за следом. Короче, археология в ходе процессуального позитивизма как и постпроцессуальной герменевтики утратила свой интерес и, что более важно, веру в сами следы» (Sørensen 2017b: 2).

Для Сёренсена есть альтернатива неверию в следы и авторитету свидетельств, фактов в археологии. Для этого мы должны решить, что мы считаем знанием и чего мы ждем от следов. Они могут дать нам нечто иное, чем собрать фактуальную информацию о том, что случилось в прошлом, «если охватить “темную материю”, гнездящуюся в следах, принимая непознаваемое как непознаваемое и сохраняя тайну и странность следов» (Sørensen 2017b: 2).

Реакция на реакцию

На эти выступления Сёренсена немедленно откликнулись в NAR четыре исследователя — Марк Вандер Линден, археолог из Кембриджского университета («Реакция на реакционный текст»), философ из Бергена (Норвегия) Холлард Фоссхейм («Наука, сайентизм и этика археологии»), исследовательница-археолог из Стокгольмского университета Керстин Лиден («Общий язык — база для здорового сотрудничества») и, конечно, датский археолог из Гётеборга (Швеция) Кристиан Кристиансен («Природа археологического знания и онтологические перевороты») (Vander Linden 2017; Fossheim 2017; Lidén 2017; Kristiansen 2017).

Марк Вандер Линден, как и видно из его заглавия, ответил наиболее резко, признав Сёренсена реакционером. Он вообще счел вопрос о принадлежности археологии к гуманитарному знанию или *science* не заслуживающим интереса. Нужно, применяя научные критерии, собирать факты и объективно исследовать их надежными методами. С точки зрения философа Фоссхейма, вредна для археологии не *science*, а вреден сайентизм — забвение, что во всяком гуманитарном знании есть и свои особенности и требования. По мнению Керстин Лиден, тоже неважно, относить ли археологию к *science* или к гуманитарному знанию. Важно развивать взаимоуважение, взаимопонимание и общий язык. О возражениях Кристиансена скажу дальше.

Сёренсен ответил своим критикам в том же журнале, озаглавив свой ответ «Археологические парадигмы: маятник или груша для сноса руин?» (Sørensen 2017c). Он подчеркнул, что стоит за другое сотрудничество генетики и археологии — в котором проявится не возрастающее господство *science*, а плюрализм, не разрушительная сила груши для сноса зданий, а размеренное качание маятника. С временными преобладаниями тех или иных методов и наук. Всеми свои предпочтения, обусловленные разной природой наук.

Обоснование естественнонаучного лидерства

Из всех его названных критиков меня больше всего заинтересовали возражения К. Кристиансена, во-первых, потому, что Кристиансен был одним из тех, чьи публикации побудили Сёренсена к выступлению; во-вторых, Кристиансен наиболее полно выстроил систему аргументов, а в-третьих, он известный теоретик археологии, с которым у меня старая дружба и старые споры. Кристиансен входит в датскую команду генетиков и археологов, выступающую с пересмотром старых позиций археологии на основе современных выводов генетики, и занимает в этой команде лидирующие позиции. Естественно, что он один из основных противников Сёренсена.

Само разделение нашего знания на естественнонаучное и гуманитарное он принимает, как и отнесение традиционной археологии к *humanities*, но иначе оценивает их динамику. «Баланс между *science* и археологией изменился, и прежние интерпретации и теории устарели» (Kristiansen 2017: 1).

Он напоминает, что когда археология строила хронологические схемы своими собственными методами, неолит и энеолит датировались на тысячелетия позже их современной датировки. «Радиоуглеродную революцию» (термин Колина Ренфру) он рассматривает как «онтологический переворот» в археологии, связанный с введением в середине XX века естественнонаучных методов. Это была дегуманизация археологии. Тогда тоже многие археологи не признавали этого — сейчас от них остались жалкие единицы, общепризнанные фрики.

Теперь, по Кристиансену, — новый «онтологический переворот», начавшийся с начала XXI века и состоящий в появлении данных стронциевого изотопного анализа и прочтения ДНК с расшифровкой геномов. То и другое резко усилило наше знание

биологического происхождения отдельных людей и популяций, а следовательно, реконструкцию биологической преемственности и миграций. Неожиданно это тоже привело к пересмотру традиционных археологических интерпретаций. Среди них и соотношение степных и центральноевропейских культур раннего бронзового века. Большинство археологов отвергало идеи Марии Гимбутас о миграции ее курганной культуры из степей на запад, в Подунавье, а генетики в 2015 году реконструировали нечто подобное — миграцию ямной культуры в Центральную, Северную и Западную Европу.

Большие научные прорывы перенаправляют исследования, говорит Кристиансен. Важно признать достижения науки в истории археологии и признать интерпретационные импликации, из этого вытекающие. Старые датировки были чисто релятивными и строились на стилистических и типологических характеристиках, а они во многом приблизительны и шатки. Естественнонаучные методы внесли абсолютную датировку. До введения радиоуглеродного метода не было доступа к абсолютной датировке в преистории до раннебронзового века. Мы лишь догадывались о продолжительности предшествующих периодов. Когда C_{14} был введен, оказалось, что эти догадки были ошибочны (калибровка усилила эти исправления). Этот прыжок изменил наши теории и методы.

В каком-то смысле следующий онтологический переворот, в котором мы живем, по Кристиансену, тоже можно свести к конфликту относительного и абсолютного знания. Относительным знанием здесь будут наши прежние догадки о преемственности и миграциях, построенные на тех же типологических и стилистических сопоставлениях, а абсолютным знанием — полученные от генетики сравнения ДНК популяций и анализ изотопов стронция, выраженные в точных цифрах. Археология и вообще гуманитарное знание дают исторически информированное теоретическое поле для перевода новых фактов (основанных на естественнонаучных данных) в исторические интерпретации, которыми *scientists* не владеют, как археологи не владеют прямо естественнонаучными данными.

Целый раздел статьи называется у Кристиансена «Быть или не быть междисциплинарности: относительная автономия *science humanities*». «Делает ли современный онтологический переворот археологическую интерпретацию подчиненной, второстепенной?» — спрашивает он (Kristiansen 2017: 3). И отвечает: Ну, ряд выводов оказываются ошибочными. Не только неолитическая хронология, но и происхождение центральноевропейских культур — шнуровой керамики, колоколовидных кубков. Как столь много археологов ошибалось столь долго? Нужно развить лучшее теоретическое понимание человеческой мобильности и зависимости между изменениями. Мы работаем вместе с генетиками, и это очень далеко от представлений Тима Сёрнсена, его картина — скорее карикатура. В междисциплинарном сотрудничестве мы соблюдаем относительную автономию. Ну, это утверждение остается у Кристиансена как-то не реализованным, не согласуемым с его трактовками соотношений научного и гуманитарного в археологии. Это не значит, что я соглашаюсь с позицией Сёрнсена. У меня обе трактовки вызывают ряд недоумений.

1. О дихотомии скептически

Прежде всего, я не согласен с принятым обоими исследователями (и, кажется, всеми участниками спора) коренным делением совокупности дисциплин на гуманитарные и естественно- и точнаучные. Я вообще не склонен повторять традиционные деления нашего знания на две группы наук. На мой взгляд, дисциплины группируются более многообразно и каждая группировка охватывает по несколько дисциплин полностью и еще частью затрагивает другие.

Так, история с географией занимаются, прежде всего, нашей ориентацией в конкретном мире, который мы населяем, — одна во времени, другая в пространстве. Это науки *идиографические* по Риккерту, отделяемые им от *номотетических*, которые заняты выявлением общих законов (физика, химия, биология, социология). Но, в отличие от Риккерта, я не отождествляю идиографические с гуманитарными — связанными с духовными интересами людей: тут же присутствует география, а некоторыми частями эта группировка затрагивает и геологию, биологию и др. Я считаю, что идиографические науки отличаются от прочих тем, что они нацелены на познание самих фактов, а не выводимых из них законов, а законы рассматриваются как воздействующие на тот или иной факт. Поэтому в номотетических науках схожие факты и объекты взаимозаменяемы и после выведения законов более не нужны, а в гуманитарных науках каждый факт и каждый объект имеет собственную ценность.

Есть науки, нацеленные на изучение нашего мышления — математика, логика (их тоже причисляют к *science*). Все эти науки — идиографические, номотетические, когнитивные — рассматриваются как *фундаментальные*, изучающие основы мира. А есть *прикладные* — обслуживающие другие сферы знания. Есть дисциплины, коих причисление к наукам под вопросом, поскольку они не включают в себя принцип доказательности, например, философия, или принцип реальности, например, теология. Гуманитарными же принято называть особую группу дисциплин о человеке и его сознании, об обществе (история, искусствоведение и др.), в которой не действуют некоторые принципы естественных и точных наук (поэтому англичане и американцы не называют их науками), но какие именно это принципы — вопрос спорный. Некоторые мыслители, начиная с Дильтея, считают, что это принципы точности или объективности (понимание зависит от психики, а она индивидуальна; субъект частично совпадает с объектом, отсюда определяющее значение ценностных определений). Поэтому такие мыслители полагают, что теории и методы в гуманитарных дисциплинах, таких как археология, более расплывчаты и приблизительны,

чем в естественных и точных науках, что они оставляют место для субъективности. Что это нужно признать и, соответственно, безоговорочно принять верховенство естественных и точных наук над гуманитарными. В частности радиохимии — генетики над археологией. Ну, или примириться с гуманитарными слабостями археологии и сохранить ее в традиционном виде ради ее преимуществ в познании природы человека и общества. Оба эти подхода представлены в данном споре.

После критической работы, проведенной школами функционализма, марксизма и позитивизма со всеми его разновидностями, стало ясно, что психика сама основана на материальных явлениях, что есть ряд методических средств погасить субъективность исследователей, а с другой стороны, есть ограниченное место для интуиции во всех науках, в том числе в физике и астрономии. Это означает, что остальные принципы, характерные для многих наук, присутствуют в гуманитарных науках, что теории, методы, интерпретации и понятия в гуманитарных науках те же в основном, что и в других науках. Что действительно существует «общий язык» не только для археологии и генетики, но и для всех наук. Археологию же я вообще не отношу к гуманитарной группе наук, хотя в ней и играют роль некоторые материалы, имеющие гуманитарный характер, поскольку в ее отдаленных целях есть исторические интерпретации. По методологической же природе своей археология является прикладной наукой, как криминалистика (*forensic science*). Археолог — это следователь (детектив), опоздавший на тысячи лет к месту событий.

Я не развиваю здесь подробно эти соображения, поскольку они развернуто изложены в моих работах (Klejn 2001: 11—100; Клейн 2001: 11—18; 2004: 44—199, 226—289; 2009).

2. Кто должен уступать?

Теперь о взаимодействии сугубо археологических и естественнонаучных методов в археологии. Историческая схема «онтологических переворотов», изложенная Кристиансеном, очень уж фрагментарна и неполна. Археология сформировалась не в середине XIX века, а раньше — отечественная для северных европейцев к 1830-м годам (Томсен с его периодизацией), а классическая археология — еще раньше, у выучеников Винкельмана (Клейн 2011, I: 181—284). Естественнонаучные методы применялись в археологии не только задолго до радиоуглерода. Существенно, что некоторые из них входили в ее ядро как органические части, например, стратиграфический метод, заимствованный из геологии, классификация и типология, принципы которых заимствованы из биологии (через нумизматику). С ними затем входили количественные (статистические и комбинаторные) операции (Клейн 2012: 366—391). Это было формирование и преобразование самой археологии. Другие оставались внешними факторами, хотя и очень важными и постоянными — как палеонтологический, споро-пыльцевой, радиоуглеродный и другие естественнонаучные методы: их суть и обоснование остаются вне археологии, для владения ими требуется другое образование (Клейн 2014: 181—312). Как для антропологических определений. Точно так обстоит дело с генетикой. Она остается другой наукой, помогая археологии в тех же проблемах, что и антропология.

В археологии традиционные решения — не беспочвенные догадки, а гипотезы, поддержанные целым рядом аргументов, с развернутой методикой. Да, коль скоро это гипотезы, они могут войти в противоречие с новыми данными. Да, получены новые сведения. Они могут не совпадать с прежними решениями, добытыми самой археологией (для такой проверки ведь и нужны новые данные). В археологии возможны сбои, вытекающие из приблизительности ряда методов (в частности, методов синхронизации, сериации, типологических рядов), из гипотетичности многих выводов. Но проверке должны подвергаться как археологические решения, так и новые данные, добытые генетикой — для нее они тоже новые, полученные современными достижениями генетики, где ошибки также возможны. Где противоречия также имеются. Готовность к поправкам должна быть с обеих сторон. Это и есть равноправное междисциплинарное сотрудничество, плюрализм при автономии наук.

Как старый приверженец степной концепции происхождения культур шнуровой керамики Кристиансен подразумевает готовность принимать поправки только со стороны археологии. Надеюсь, генетики окажутся более объективными.

3. Следы, источники и знаки прошлого

Что касается центральности для археологии понятия ‘следы’. В русской археологии (да, кажется, и в английской) понятие ‘след’ ограничено неполными археологическими остатками (Клейн 1978: 93—94; 1995: 203—204). Мы различаем по степени сохранности три вида остатков: ‘целые предметы’, ‘фрагменты’ и ‘следы’. Следы — это такие остатки, такие свидетельства существования древнего предмета, что в них даже детали, части этого предмета не присутствуют в своем непосредственном виде, а сохранены либо в преобразованном виде, либо как результаты воздействия на другие предметы. Сюда входят ‘деформированные остатки’, ‘отпечатки’ (англ. *imprints*) и ‘отметины’ (англ. *marks*).

Совершенно очевидно, что Сёренсен придает следам более общее значение, покрываемое в археологии термином «археологический источник». Это одно из фундаментальных понятий археологии. Им выделяется главное средство обеспечения археологических исследований базой фактов. Есть науки, где такой базой является ‘наблюдение’, есть другие, где

такой базой является 'эксперимент', а есть третьи, где такой базой является 'источник'. К ним принадлежат история и археология.

Источник информации о прошлом в них — это такой объект, который дает нам информацию о других объектах, которые исчезли или утратили интересующие нас свойства, но эти свойства «удержаны» источником. Для истории это, прежде всего, письменный объект, для археологии — вещественный. Конечно, информация о прошлом образуется не только из получаемых сведений, но и от того, как исследователь способен их воспринять, на какую подложку в его сознании они ложатся, насколько он подготовлен. Но это относится ко всем наукам и ко всем способам информации.

А источник в его реализации? Ну, конечно, это некий «знак о прошлом», что другое он может представлять для археолога? Ценность как странный объект, редкость, предмет почитания? Но он почитается именно как антиквитет, как древность, как нечто, что может рассказать о прошлом. Как предмет непознаваемый? Но познаваемость его — именно цель исследований. Взгляд Сёренсена — это не взгляд археолога, а скорее, взгляд философа, причем приверженца определенной очень узкой философии — герменевтики.

Я призываю строго отделять теорию археологии от философии вообще и герменевтики в частности. Теория во всякой науке — это программа переработки информации, основанная на конкретной объяснительной идее и временной замене реальных объектов идеальными. Она способна оборачиваться методом. Всё, что сказано у Сёренсена о теории «следов» — это не теория, а эlegantное (эпитет Кристиансена) философствование.

Таким образом, мне представляется ошибкой следовать как трактовке, принятой обоими авторами, так и выдвинутым по отдельности аргументам того и другого. Возможно, если учесть мои соображения, то не пришлось бы спрашивать, «кто же, чёрт побери, может это вытерпеть?».

Литература

Иванова и др. 2017: Иванова С. В., Киосак Д. В., Никитин А. Г. 2017. Степное население в Центральной Европе эпохи ранней бронзы, или Путешествия туда и обратно. Ч. I—III. *Генофонд.рф* http://генофонд.рф/?page_id=27671; http://генофонд.рф/?page_id=27749; http://генофонд.рф/?page_id=27864.

Клейн Л. С. Археологические источники. Ленинград: ЛГУ.

Клейн Л. С. 1995. Археологические источники. 2-е, дополненное изд. Серия «Классика археологии». Санкт-Петербург: Фарн.

Клейн Л. С. 2001. *Принципы археологии*. Санкт-Петербург: Бельведер.

Клейн Л. С. 2004. *Введение в теоретическую археологию*. Кн. I. *Метаархеология*. Санкт-Петербург: Бельведер.

Клейн Л. С. 2009. В чем научность науки? Гуманитарий — это ученый? *Троицкий вариант* 25 (6), 31 марта 2009, 14.

Клейн Л. С. 2011. *История археологической мысли*. Т. I, II. Санкт-Петербург: СПбГУ. Клейн Л. С. 2012. *Археологическое исследование*. Кн. I. Донецк: Донецкий национальный университет.

Клейн Л. С. 2014. *Время в археологии*. Санкт-Петербург: Евразия.

Клейн Л. С. 2015. Из степи ли предки индоевропейцев? *Генофонд.рф*. URL: http://генофонд.рф/?page_id=1044.

Клейн Л. С. 2016. Ямная, буджакская и ДНК. В: Алекшин В. А. (отв. ред.). Внешние и внутренние связи степных (скотоводческих) культур Восточной Европы в энеолите и бронзовом веке (V—II тыс. до н. э.). Круглый стол, посвященный 80-летию со дня рождения С. Н. Братченко. Материалы. Санкт-Петербург, 6—13.

Клейн Л. С. 2017. Ямная, не ямная (обзор современных работ о курганных погребениях Подунавья). *Stratum plus* (2), 361—376.

Allentoft et al. 2015: Allentoft M. E., Sikora M., Sjögren K.-G., Rasmussen S., Rasmussen M., Stenderup J., Damgaard P. B., Schroeder H., Ahlström T., Vinner L., Malaspina A. S., Margaryan A., Higham T., Chivall D., Lynnerup N., Harvig L., Baron J., Della Casa P., Dąbrowski P., Duffy P. R., Ebel A. V., Epimakhov A., Frei K., Furmanek M., Gralak T., Gromov A., Gronkiewicz S., Grupe G., Hajdu T., Jarysz R., Khartanovich V., Khokhlov A., Kiss V., Kolář J., Kriiska A., Lasak I., Longhi C., McGlynn G., Merkevicius A., Merkyte I., Metspalu M., Mkrtychyan R., Moiseyev V., Paja L., Pálfi G., Pokutta D., Pospieszny Ł., Price T. D., Saag L., Sablin M., Shishlina N., Smrčka V., Soenov V. I., Szeverényi V., Tóth G., Trifanova S. V., Varul L., Vicze M., Yepiskoposyan L., Zhitenev V., Orlando L., Sichevitz-Pontén T., Brunak

S., Nielsen R., Kristiansen K., Willerslev E. 2015. Population genomics of Bronze Age Eurasia. *Nature* 552, 167—172.

Fossheim H. J. 2017. Science, Scientism and the Ethics of Archaeology. *Norwegian Archaeological Review* 50 (2), 116—119.

Haak et al. 2015: Haak W., Lazaridis I., Patterson N., Rohland N., Mallick S., Llamas B., Brandt G., Nordenfelt S., Harney E., Stewardson K., Fu Q., Mittnik A., Bánffy E., Economou C., Francken M., Friederich S., Pena R. G., Hallgren F., Khartanovich V., Khokhlov A., Kunst M., Kuznetsov P., Meller H., Mochalov O., Moiseyev V., Nicklisch N., Pichler S. L., Risch R., Rojo Guerra M. A., Roth C., Szécsényi-Nagy A., Wahl J., Meyer M., Krause J., Brown D., Anthony D., Cooper A., Alt K. W., Reich D. 2015. Massive migration from the steppe was a source for Indo-European languages in Europe. *Nature* 552, 207—211.

Ivanova S. V. 2013. Connections between the Budzhak Cul-ture and Central European groups of the Corded Ware Culture. *Baltic-Pontic Studies* 18, 86—120.

Kaiser E. 2016. Migrationen von Ost nach West: Die Archäologie von Wanderungsbewegungen im 3. Jahrtausend v. Chr. *Mitteilungen der Berliner Gesellschaft für Archäologie, Ethnologie und Urgeschichte* 37, 31—44.

Kjerkegaard S. 2011 {1846}. Kierkegaard's journals and notebooks. Ed. by Niels Jørgen Cappelørn et al. Published in cooperation with the Søren Kierkegaard Research Centre Copenhagen. Vol. 5. Princeton: Princeton University Press.

Klejn L. S. 2001. Metaarchaeology. *Acta Archaeologica* 72 (1), supplementa III. København: Blackwell-Munksgaard.

Klejn L. S. 2017a. Indo-European origins and archaeology. In: Manolakakis L., Schlanger N., Coudart A. (eds.). *Archéologie européenne: Identités et Migrations. Hommages à Jean-Paul Demoule*. Paris: Sidestone Press, 439—458.

Klejn L. S. 2017b (in print). Steppe original home is a hypothesis. *Acta Archaeologica Copenhagen*. In *Memoriam Klavs Randsborg*.

Klejn et al. 2017: Klejn L., Haak W., Lazaridis I., Patterson N., Reich D., Kristiansen K., Sjögren K.-G., Al-lentoft M., Sikora M., Willerslev E. 2017. Discussion: Are the Origins of Indo-European Languages Explained by the Migration of the Yamnaya Culture to the West? *European Journal of Archaeology* 21 (1), 3—17. doi:10.1017/eea.2017.35.

Kristiansen K. 2014. Towards a new paradigm? The Third Scientific Revolution and its possible consequences in archaeology. *Current Swedish Archaeology* 22, 11—34.

Kristiansen K. 2017. The Nature of Archaeological Knowledge and Its Ontological Turns. *Norwegian Archaeological Review* 50 (2), 120—123.

Lidén K. 2017. A Common Language is the Basis for Sound Collaboration. *Norwegian Archaeological Review* 50 (2), 124—126.

Sørensen T. F. 2017a. The Two Cultures and a World Apart: Archaeology and Science at a New Crossroads. *Norwegian Archaeological Review* 50 (2), 101—115.

Sørensen T. F. 2017b. Archaeological paradigms: pendulum or wrecking ball? *Norwegian Archaeological Review* 50 (2), 130—134.

Sørensen T. F. 2017c. Who the Devil Can Endure It? Archaeology, Science and the Fact Fetish. *Institutionen för arkeologi och antikens kultur, Stockholm universitet. Forskarsemibarium 2017-10-04*. https://www.archaeology.su.se/polopoly_fs/1.349078.1506500502!/menu/standard/file/PM%20forskarsem%204%20okt.pdf.

Vander Linden M. 2017. Reaction to a Reactionary Text. *Norwegian Archaeological Review* 50 (2), 127—129.

Ivanova, S. V., Kiosak, D. V., Nikitin, A. G. 2017. In *Genofond.ru*. URL: http://генофонд.рф/?page_id=27671; http://генофонд.рф/?page_id=27749; http://генофонд.рф/?page_id=27864 (in Russian).

Klejn, L. S. 1978. *Arkheologicheskie istochniki (Archaeological Sources)*. Leningrad: Leningrad State University (in Russian).

Klejn, L. S. 1995. *Arkheologicheskie istochniki (Archaeological Sources)*. 2nd ed. Series: *Klassika arkheologii (Classic of Archaeology)*. Saint Petersburg: "Farn" Publ. (in Russian).

Klejn, L. S. 2001. *Printsipy arkheologii (Principles of Archaeology)*. Saint Petersburg: "Bel'veder" Publ. (in Russian).

- Ivanova, S. V., Kiosak, D. V., Nikitin, A. G. 2017. In *Geno-fond.rf*. URL: http://генофонд.рф/?page_id=27671; http://генофонд.рф/?page_id=27749; http://генофонд.рф/?page_id=27864 (in Russian).
- Klejn, L. S. 1978. *Arkheologicheskie istochniki (Archaeological Sources)*. Leningrad: Leningrad State University (in Russian).
- Klejn, L. S. 1995. *Arkheologicheskie istochniki (Archaeological Sources)*. 2nd ed. Series: *Klassika arkheologii (Classic of Archaeology)*. Saint Petersburg: "Farn" Publ. (in Russian).
- Klejn, L. S. 2001. *Printsipy arkheologii (Principles of Archaeology)*. Saint Petersburg: "Bel'veder" Publ. (in Russian).
- Klejn, L. S. 2004. *Vvedenie v teoreticheskuiu arkheologiiu (Intro-duction to the Theoretical Archaeology) I. Metaarkhe-ologiya (Metaarchaeology)*. Saint Petersburg: "Bel'veder" Publ. (in Russian).
- Klejn, L. S. 2009. In *Troitskii variant (Troitsk Version) 25 (6)*, 31 March 2009, 14 (in Russian).
- Klejn, L. S. 2011. *Istoriia arkheologicheskoi mysli (History of Ar-chaeological Thought) I, II*. Saint Petersburg: Saint Peters-burg State University (in Russian).
- Klejn, L. S. 2012. *Arkheologicheskoe issledovanie (Archaeological Research) 1*. Donetsk: Donetsk National University (in Russian).
- Klejn, L. S. 2014. *Vremia v arkheologii (Time in Archaeology)*. Saint Petersburg: "Evraziia" Publ. (in Russian).
- Klejn, L. S. 2015. In *Genofond.rf*. URL: http://генофонд.рф/?page_id=1044 (in Russian).
- Klejn, L. S. 2016. In Alekshin, V. A. (ed.). *Vneshnie i vnutrennie sviazi stepnykh (skotovodcheskikh) kul'tur Vostochnoi Ev-ropy v eneolite i bronzovom veke (V—II tys. do n. e.) (Ex-ternal and Internal Relations of Steppe (Cattle-Breeding) Cultures of Eastern Europe in Chalcolithic and the Bronze Age (V—II Millennia BC))*. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sci-ences, 6—13 (in Russian).
- Klejn, L. S. 2017. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural An-thropology (2)*, 361—376 (in Russian).
- Allentoft, M. E., Sikora, M., Sjögren, K.-G., Rasmussen, S., Ras-mussen, M., Stenderup, J., Damgaard, P. B., Schroeder, H., Ahlström, T., Vinner, L., Malaspinas, A. S., Margaryan, A., Higham, T., Chivall, D., Lynnerup, N., Harvig, L., Baron, J., Della Casa, P., Dąbrowski, P., Duffy, P. R., Ebel, A. V., Epimakhov, A., Frei, K., Furmanek, M., Gralak, T., Gro-mov, A., Gronkiewicz, S., Grupe, G., Hajdu, T., Jarysz, R., Khartanovich, V., Khokhlov, A., Kiss, V., Kolář, J., Kriiska, A., Lasak, I., Longhi, C., McGlynn, G., Merkevicius, A., Merkyte, I., Metspalu, M., Mkrtychyan, R., Moiseyev, V., Paja, L., Pálfi, G., Pokutta, D., Pospieszny, Ł., Price, T. D., Saag, L., Sablin, M., Shishlina, N., Smrčka, V., Soenov, V. I., Szeverényi, V., Tóth, G., Trifanova, S. V., Varul, L., Vicze, M., Yepiskoposyan, L., Zhitenev, V., Orlando, L., Sicheiritz-Pontén, T., Brunak, S., Nielsen, R., Kristiansen, K., Willerslev, E. 2015. Population genomics of Bronze Age Eurasia. *Nature* 552, 167—172.
- Fossheim, H. J. 2017. Science, Scientism and the Ethics of Archaeol-ogy. *Norwegian Archaeological Review* 50 (2), 116—119.
- Haak, W., Lazaridis, I., Patterson, N., Rohland, N., Mallick, S., Lla-mas, B., Brandt, G., Nordenfelt, S., Harney, E., Stewardson, K., Fu, Q., Mittnik, A., Bánffy, E., Economou, C., Francken, M., Friederich, S., Pena, R. G., Hallgren, F., Khartanovich, V., Khokhlov, A., Kunst, M., Kuznetsov, P., Meller, H., Mochalov, O., Moiseyev, V., Nicklisch, N., Pichler, S. L., Risch, R., Rojo Guerra, M. A., Roth, C., Szécsényi-Nagy, A., Wahl, J., Meyer, M., Krause, J., Brown, D., Anthony, D., Cooper, A., Alt, K. W., Reich, D. 2015. Massive migra-tion from the steppe was a source for Indo-European lan-guages in Europe. *Nature* 552, 207—211.
- Ivanova, S. V. 2013. Connections between the Budzhak Culture and Central European groups of the Corded Ware Cuture. *Bal-tic-Pontic Studies* 18, 86—120.
- Kaiser, E. 2016. Migrationen von Ost nach West: Die Archäolo-gie von Wanderungsbewegungen im 3. Jahrtausend v. Chr. *Mitteilungen der Berliner Gesellschaft für Archäologie, Ethnologie und Urgeschichte* 37, 31—44.
- Kjerkegaard, S. 2011 {1846}. *Kierkegaard's journals and notebooks*. Ed. by Niels Jørgen Cappelørn et al. Published in coopera-tion with the Søren Kierkegaard Research Centre Copen-hagen. Vol. 5. Princeton: Princeton University Press.
- Klejn, L. S. 2001. *Metaarchaeology*. *Acta Archaeologica* 72 (1), supplementa III. København: Blackwell-Munksgaard.
- Klejn, L. S. 2017. Indo-European origins and archaeology. In: Mano-lakakis, L., Schlanger, N., Coudart, A. (eds.). *Archéologie européenne: Identités et Migrations. Hommages à Jean-Paul Demoule*. Paris: Sidestone Press, 439—458.

- Klejn, L. S. 2017 (in print). Steppe original home is a hypothesis. *Acta Archaeologica Copenhagen*. In *Memoriam Klavs Randsborg*.
- Klejn, L., Haak, W., Lazaridis, I., Patterson, N., Reich, D., Kristiansen, K., Sjögren, K.-G., Allentoft, M., Sikora, M., Willerslev, E. 2017. Discussion: Are the Origins of Indo-European Languages Explained by the Migration of the Yamnaya Culture to the West? *European Journal of Archaeology* 21 (1), 3—17. doi:10.1017/eea.2017.35.
- Kristiansen, K. 2014. Towards a new paradigm? The Third Scientific Revolution and its possible consequences in archaeology. *Current Swedish Archaeology* 22, 11—34.
- Kristiansen, K. 2017. The Nature of Archaeological Knowledge and Its Ontological Turns. *Norwegian Archaeological Review* 50 (2), 120—123.
- Lidén, K. 2017. A Common Language is the Basis for Sound Collaboration. *Norwegian Archaeological Review* 50 (2), 124—126.
- Sørensen, T. F. 2017. The Two Cultures and a World Apart: Archaeology and Science at a New Crossroads. *Norwegian Archaeological Review* 50 (2), 101—115.
- Sørensen, T. F. 2017. Archaeological paradigms: pendulum or wrecking ball? *Norwegian Archaeological Review* 50 (2), 130—134.
- Sørensen, T. F. 2017. Who the Devil Can Endure It? Archaeology, Science and the Fact Fetish. *Institutionen för arkeologi och antikens kultur, Stockholm universitet. Forskarsemibarium 2017—10—04*. [https://www.archaeology.su.se/polopoly_fs/1.349078.1506500502!/menu/standard/file/PM %20 forskarsem %204 %20okt.pdf](https://www.archaeology.su.se/polopoly_fs/1.349078.1506500502!/menu/standard/file/PM%20forskarsem%204%20okt.pdf).
- Vander Linden, M. 2017. Reaction to a Reactionary Text. *Norwegian Archaeological Review* 50 (2), 127—129.